

К. В. Злоказов
Екатеринбург, Россия

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. Обсуждается методика интерпретации текстов деструктивной направленности. Признаком подобных текстов является стремление автора к разрушению социальных объектов различного масштаба, социальных отношений и норм. Сложность видится в неопределенности семантики текста, невозможности конкретизации деструктивной направленности автора. Для решения этой проблемы обозначаются и определяются категории объекта, цели и процесса как элементы семантической структуры текста деструктивной направленности. Описываются интраперсональный, интерперсональный и метаперсональный объекты деструкции, деструктивная, деконструктивная и реконструктивная цели автора. Проводится контент-анализ 116 фрагментов текстов деструктивной направленности (суицидальных записок, дневниковых записей, видеообращений лиц, ведущих экстремистскую и террористическую деятельность). Установлено, что объекты и цели деструкции сочетаются: деструктивные цели характерны для интраперсональных, деконструктивные — интерперсональных, реконструктивные — метаперсональных объектов. Деструктивные цели операционализированы и негативно окрашены, а реконструктивные — детализированы, описываются позитивно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: контент-анализ текста; суицид; анализ агрессии; деструктивный текст; семантический анализ; способы выражения агрессии; деструктивность личности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Уральский юридический институт (Екатеринбург); адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, к. 325; e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

Введение. Современное коммуникативное пространство насыщено текстами, относящимися к тематике деструктивной направленности, констатирующими, иллюстрирующими агрессивные и насильственные действия или призывающими к их совершению. Такие тексты следует отличать от более широкого корпуса текстов агрессивной, насильственной тематики, в первую очередь по причине отсутствия целевой ориентации автора на разрушение. Ключевым признаком деструктивной направленности текста становится тема уничтожения конкретной социальной структуры в единстве ее уровней, элементов, свойств, характеристик, отношений с иными структурами. Существует ряд исследований, устанавливающих связь проявлений деструктивности авторов [Злоказов 2014а] и текстов [Фомина, Артеменко 2014], оценивающих специфику коммуникативных стратегий и языковых средств [Ворошилова 2014]. В то же время представление о реализации деструктивной направленности автора остается не в полной мере сформированным. Деструктивность авторского замысла воплощается в различных жанрах, среди которых встречаются информативные (плакат, листовка), информативно-оценочные (дневниковые записи, записки), императивные (манифесты, обращения). Деструктивная направленность реализуется в разнообразных коммуникативных ситуациях [Демдоуни, Денисов 2013], для нее характерен широкий диапазон лингвистических и паралингвистических средств. Сложность анализа еще и в том, что тема деструкции в тексте не всегда представлена в упорядоченной логико-композиционной структуре [Борисов 2010], а текст нередко избыточен в части эмоционально-риторических элементов, включаемых для упрощения смысловой репрезентации текста читателям [Антонова 2006].

В данной статье предпринимается попытка определения семантических категорий для анализа текста деструктивной направленности. Она осуществляется через описание семантических признаков объекта, цели и процесса деструктивной активности, их эмпирический анализ в текстах деструктивной тематики.

Описание категорий контент-анализа. Категории определялись на основе представлений о психологической структуре речевой деятельности, лингвистических характеристиках призыва к осуществлению экстремистской деятельности [Осадчий 2012а], концепта ненависти [Волкова 2011], а также разрабатываемых нами представлений о деструктивной активности [Злоказов 2014б]. В рамках данной статьи не приводятся категории анализа суицидальных текстов, предложенные Ч. Осгудом и Е. Уолкером, поскольку они соотносятся исключительно с тематикой суицида [Osgood, Walker 1959]. Цель данного исследования в определении категорий, характерных для всех деструктивных текстов, а не только суицидальной тематики, сопоставлении элементов деструктивной деятельности и ее речевых эквивалентов. Исходя из этих предпосылок, мы выделили три категории анализа семантики текста: *объект, цель и процесс* деструктивного воздействия.

Базовая категория деструктивного текста — объект, являющий собой приложение деструктивной активности субъекта. Включение категории **объекта** в семантическое пространство деструктивного текста обусловлено в первую очередь авторской коммуникативной задачей. Объект деструкции в семантике текста является репрезентацией подлежащей разрушению социальной структуры, ее элементов и связей. Указания на объект деструкции могут быть многообразны, но отвечают признакам:

Работа выполнена при поддержке РГНФ: грант 15-34-01293 «Деструкция и отчужденность — ведущие стратегии экстремистского дискурса».

- социальности — принадлежности к миру общественных отношений;
- актуальности — значимости для автора;
- релятивности — соотносимости с автором и читателем.

Объект номинируется, актуализируется автором путем применения различных языковых средств, в том числе и инвективной лексики. Следует отметить, что объект может быть представлен системой противоречивых номинаций, чем обуславливается неопределенность его интерпретации. Фактически же объект — это явление социального мира, известное автору. Условно можно выделить три вида объектов: *интраперсональные*, *интерперсональные* и *метаперсональные* (в табл. 1 приведены фрагменты текстов с различным видом объекта и цели деструкции).

Интраперсональный объект представлен:

1) телесными характеристиками (например, волосы, кожа, конечности, органы чувств, параметры тела);

2) индивидуализированными потребностями (например, в пище, сне, уровне активации/бодрствования, комфорте) и ценностями (например, здоровый образ жизни, образование, семейная жизнь);

3) характером психических явлений (например, изменение параметров когнитивных, эмоциональных состояний путем приема алкоголя, наркотических веществ).

Деструктивная направленность текстов реализуется в призывах манипулировать интраперсональным объектом, изменять его свойства (например, отказываться от сна, еды, наносить шрамы, татуировки), в том числе разрушать его.

В качестве *интерперсонального* объекта выступают:

1) конкретные личности, малые социальные группы (например, учебные, спортивные, профессиональные группы);

2) связи и отношения с конкретными людьми и малыми социальными группами, представленные в виде социальных ролей (например, сын, дочь, отец, мать, член коллектива).

Деструктивная направленность текста обнаруживается в воплощении в его семантике негативной оценки конкретного лица, социальной группы, связей и отношений с ними, в том числе через обесценивание характеристик, призывы к уничтожению.

Метаперсональный объект деструкции включает в себя:

1) социальные институты, их деятельность, представителей и отношение к ней (институты управления, образования, здравоохранения, правотворчества, охраны права);

2) нормы социального регулирования (правовые, религиозные, политические, культурные, социальные и иные).

Деструктивность прослеживается в призывах к уничтожению глобальных социальных объектов — по политическим, религиозным, этническим и другим видам признаков. Средства реализации здесь достаточно обширны, что позволяет причислять к деструктивным текстам, заключающие в себе экстремистские призывы, направленные на возбуждение чувства ненависти и вражды.

Следующая категория — цель активности. Цель определяется как предвосхищаемый автором результат воздействия на объект, модель будущего продукта. В текстах деструктивной направленности нами выделяются три цели преобразования объекта:

1) деструктивная, направленная на разрушение объекта (в том числе, его элементов или отношений с ним), представлена в примерах 1, 2, 7 табл. 1);

2) деконструктивная — модификация, трансформация с целью создания объекта с иными свойствами (примеры 2, 5, 8 табл. 1);

3) реконструктивная, характеризующая направленность на восстановление объекта, его свойств, характеристик (примеры 3, 6, 9 табл. 1).

Цели в тексте могут сочетаться: деструктивная направленность суицидального акта может сопровождаться стремлением восполнить и восстановить отношения между родственниками, переживающими потерю. Деструктивная цель текста с угрозами в адрес конкретного лица может подразумевать и деконструктивную направленность — желание «переделать» другого, сформировать необходимое поведение. Реконструктивная цель экстремистского текста обычно сочетается с тематикой восстановления объекта (избавление «Родины» от различных «захватчиков»), сопровождается призывами к самоотречению ради борьбы (деструкции), указанием на необходимость переродится, стать сверхчеловеком (деконструкция).

Таблица 1

Категория объекта и цели деструктивной активности

Категория объекта	Категория цели		
	Деструктивная	Деконструктивная	Реконструкция
Интраперсональный	1. «Сейчас, я ненавижу себя. Ненавижу свою фигуру, ненавижу свое лицо, ненавижу свой слабый характер»	2) Я умираю, потому что хочу избавиться от этой боли. Я не знаю правильно ли поступаю. Просто терпеть ее у меня уже нет никаких сил. Думаю, что после смерти мне будет хорошо.	3. Подойдите к зеркалу, возьмите фломастер и рисуйте на своем теле пунктиром ваше идеальное тело. А потом стойте и смотрите, пока не дойдет, что вы ленивая, безвольная и запустившая себя задница, и с таким телом надо вешаться, а не на улицу выходить
Интерперсональный	4.1. Вы че, сволочи, совсем Закрывайте свою жуплиническую контору или мы придем к вам по домашним адресам и научим жить честно. Если за три дня этот сайт и вся ваша мошенническая кодла не исчезнет из инета — будем	5.1. Девочки если ваши парни будут гадить в подъезде, тем более с..ть, То сделаем так, что они будут импотентами на всю жизнь. Так и скажите им.	6.1. Я прошу, забудьте меня как черный день. Мам не плачь!!! Бабушка не плачь!!! Надеюсь, Дядя Вася придет на мои похороны. Знайте, никто не виноват в моей смерти.

Категория объекта	Категория цели		
	Деструктивная	Деконструктивная	Реконструкция
	физически вас истреблять. Будем убивать! 4.2. Пиши заявление и уходи. Не вздумай выдвинуть себя на главу. Приедем и вырежем весь род	5.2. Если ты читаешь мое письмо, то я уже мертв. Живи теперь как хочешь. У тебя есть работа, сын, Коля. Теперь тебе я не мешаю ничем — твои же вздумается, что нужно, живи сама, как знаешь...	6.2. Чувак, я против тебя конкретно ничего не имею. Ты для меня никто, я для тебя никто. Мои претензии касаются того, что ты дуришь окружающих.... Давай так. Ты — переставешь прикидываться, а я — заминаю разговор и не сливаю про тебя правду
Метаперсональный	7. Я ненавижу человеческое общество и мне противно быть его частью! Я ненавижу бессмысленность человеческой жизни! Я ненавижу саму эту жизнь! Я вижу только один способ ее оправдать: уничтожить как можно больше частиц человеческого компоста	8.1 Единственным путем проявить несогласие с устоявшимся в стране тоталитарным режимом является порча биллбурдов. Голос народа не заткнуть, как бы не старалась заправшая власть! 8.2. Внимание! Если вы видите страницу сепаратиста вконтакте, живущего в Украине, пришлите ее адрес на почту в СБУ. Избавимся от заразы вместе!	9. От всех немцев... от всех солдат вермахта я требую, чтобы они были верны ... и повиновались... до самой смерти. Но прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всемирным отравителям мира для всех народов...

Примечание: фрагменты текста приведены без коррекции.

Введение категории **процесса** в контент-анализ текста обосновано представлениями о деструктивности как осознанной и целенаправленной активности [Куликов, Злоказов 2006]. В этом смысле деструктивная активность — не реактивная, спонтанная, а осознанная и целенаправленная деятельность субъекта, находящая свое отражение в коммуникации. По мнению Е. В. Распопина, признаки процесса — это описания действия, указание того, какие поведенческие акты будут предприняты по отношению к объекту, а также детальное, пошаговое описание этих актов [Распопин 2001]. Воплощая описание действия в тексте, автор осуществляет операции целеполагания, моделирования, контроля над собственными идеями. Наличие категории процесса может быть интерпретировано как экстернизированное планирование. Применительно к объектам интерперсонального и метаперсонального вида планирование приобретает еще и интерактивный характер, организующий деятельность читателя по замыслу автора.

Процесс в деструктивных текстах не всегда логически связан с объектом или целью деструкции, описывается с различной степенью детализации. Действия, например, могут иллюстрировать процесс деструкции, сопровождать его либо осуществляться по его завершении. В то же время изучение номинации процесса раскрывает отношение автора к объекту и цели деструкции.

Описание выборки текстов и процедуры. Материалом исследования выступали записки лиц, завершивших жизнь самоубийством ($n = 31$), письма с угрозами физического насилия ($n = 26$), записки на персональных страницах социальных сетей лиц, совершивших преступления в отношении группы лиц ($n = 23$), видеофрагменты обращений лиц, ведущих террористическую деятельность на территории Российской Федерации ($n = 36$). Семантическая структура оценивалась путем определения высказываний и интерпретацию их смысла. Также в текстах определялась эмоциональная модальность репрезентаций семантических единиц (позитивная, негативная). Рассматривались признаки актуализации текста: многообразные способы выделения смысловых единиц: лек-

сические, семантические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, интонационные, акцентологические, графологические.

Для проведения контент-анализа использовался метод экспертной оценки ($n = 25$). Это обусловлено необходимостью учета расхождения мнений экспертов об оцениваемых категориях и способом повышения точности ответов. Каждому эксперту был представлен весь массив текстов и критерии их анализа. Контент-анализ проводился путем определения элементов и подсчета частоты их встречаемости в тексте. Эксперты кодировали категории и признаки, обнаруженные в тексте, с помощью дихотомической системы оценивания в специально разработанной форме для ответов. При наличии признака присваивалось значение «1», при отсутствии — «0». Там, где эксперт устанавливал несколько признаков, значения суммировались. Оценки обобщались через расчет средних значений и дисперсии (рассеивания) мнений экспертов, что позволило значительно повысить точность оценки текстовых фрагментов. Полученные экспертные данные обобщались путем применения методов описательной статистики и дисперсионного анализа.

Обсуждение результатов статистического анализа категорий текстов деструктивной направленности.

Целью контент-анализа стал эмпирический анализ особенностей текстов деструктивной тематики, различающихся по видам объекта и цели. Для этого выполнялись следующие задачи: оценка характеристик текстовых фрагментов с объектами различного типа, соотнесение типов объектов и целей, определение уровня операционализации и детализации действий, изучение эмоционального отношения автора к объектам и целям деструкции. Далее последовательно опишем основные результаты.

Первой задачей анализа стала оценка лексико-грамматических и морфолого-стилистических характеристик текста деструктивной направленности. Поскольку деструкция как действие предполагает отчетливую дифференциацию объекта, сопоставление характеристик проводится в текстах с различными видами объекта деструкции (см. табл. 2).

Таблица 2

Лексико-грамматические и морфолого-стилистические параметры текста
в зависимости от объекта деструкции, %

Вид объекта	Лексико-грамматические характеристики				Морфолого-стилистические характеристики	
	Доля существительных	Доля глаголов	Доля наречий	Доля прилагательных	Доля простых предложений	Доля сложных предложений
Интраперсональный	0,45	0,25	0,13	0,12	0,50	0,38
Интерперсональный	0,43	0,22	0,17	0,15	0,56	0,43
Метаперсональный	0,38	0,36	0,15	0,08	0,56	0,45

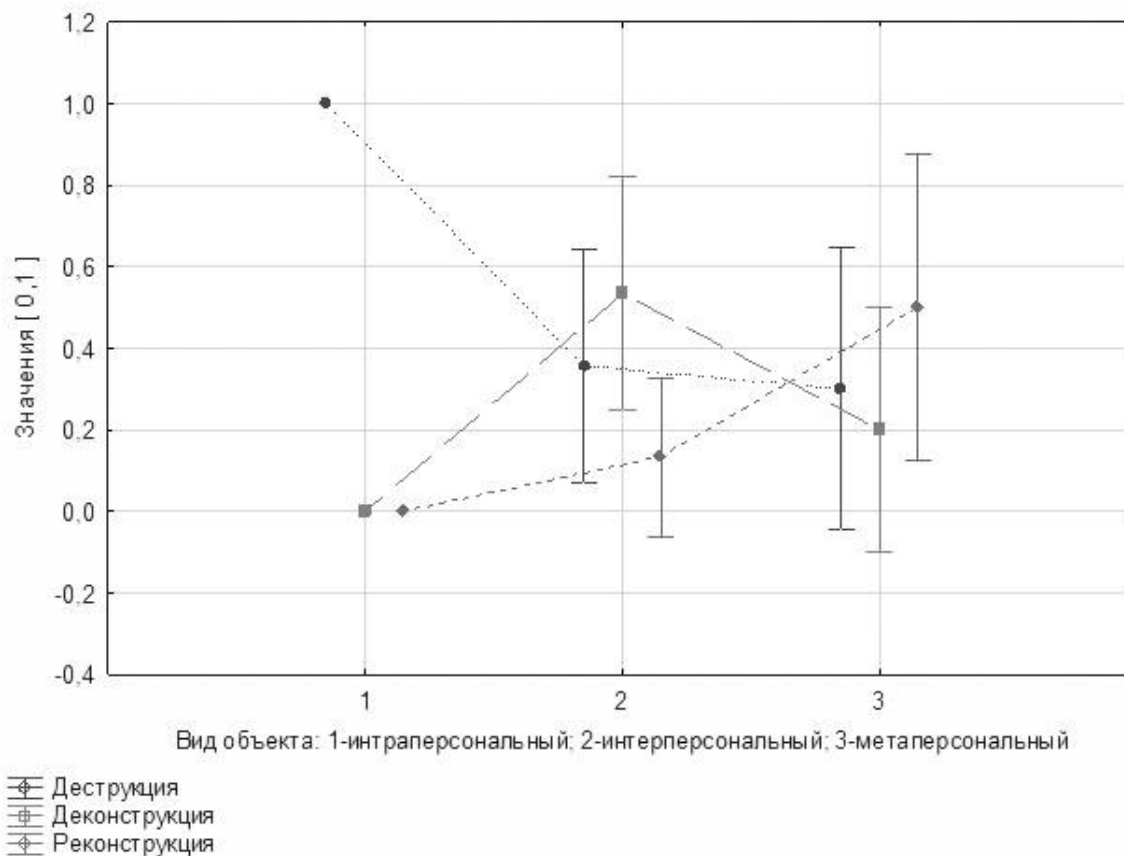

Рис. 1. Соотношение объекта и цели в тексте деструктивной направленности

Примечание. Показатели цели деструкции нормированы (приведены в z-баллах).

Поиск различий по параметрам лексических, грамматических и морфологических характеристик текстов, различающихся по типу объекта, проведенный с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), результатов не дал. Причин этому видится несколько: во-первых, данные показатели отражают, как правило, глубокое своеобразие, то, что отличает лиц с особенностями развития мышления и речи. Отсутствие различий, на наш взгляд, свидетельствует о сопоставимости когнитивных уровней авторов. Во-вторых, категория деструкции воплощена в семантике текста и должна соотноситься с элементами подобной природы [Ворошилова 2014].

Подтверждение этому получено при сопоставлении показателей объекта и цели деструкции с помощью ANOVA (результаты представлены на рис. 1).

Установлено, что для интраперсонального объекта в сопоставлении с интерперсональным и метаперсональным чаще характерна деструктивная цель ($F = 2,431$, $p < 0,001$); интерперсональный сопровождается деконструктивной целью (F

$= 2,294$, $p < 0,01$), метаперсональный объект деструкции сочетается с реконструктивной целью ($F = 2,193$, $p < 0,05$). Приведем примеры. Деструкция объекта интраперсональной природы представлена в тексте через экстремальное манипулирование телом, психикой, сознанием без соотнесения с последствиями. Например, радикальное похудание как стремление очиститься, прием наркотиков для расширения границ восприятия, прыжок с крыши для переживания прилива энергии. Автор сосредоточивается на конкретном параметре объекта, не прогнозируя, например, социальный эффект собственных действий, замыкаясь на своих ощущениях, опыте, впечатлении.

Преобладание деконструктивной цели в интерперсональных текстах определяется их коммуникативной целью. Тексты с деконструктивной целью отражают манипуляции автором устоявшимися отношениями с конкретными людьми и социальными группами. Автор конкретизирует адресата, обозначая собственные деструктивные действия как реакцию, ответ на поведение по

отношению к себе. Деконструктивная цель содержит внешне или внутренне направленную агрессию, речевые конструкции оскорбления, шантажа, угрозы, которые могут сопровождаться аутоагрессией, что характерно для суицидальных текстов демонстративно-шантажного типа.

Метаперсональный объект в деструктивном тексте соотносится с реконструктивными целями, поскольку авторы нередко определяют результаты деструкции в социально позитивном ключе, выстраивая образ результата как общественно полезного. Как правило, экстремистские тексты используют данную стратегию, формируя перспективу «избавления» от вредоносного влияния социальной группы либо культуры, традиции, идеи. Экстремистский призыв имплицитно содержит категорию социального вреда, фокусируясь на ней достоверно чаще, чем на описании деструктивных либо деконструктивных целей. Отчасти это может быть объяснено тем, что экстремистские тексты, содержащие в себе детализованные образы объекта, способа совершения действия и адресата в сочетании с вербальным императивом [Осадчий 2012а], не получают широкого массового распространения и блокируются в сети Интернет в соответствии с российским антиэкстремистским законодательством.

Обобщая, отметим, что объекты и цели деструкции коррелируют со смысловой направленностью текста: интраперсональные объекты чаще

связаны с деструктивной целью, интерперсональные — с деконструктивной, а метаперсональные — с реконструктивной.

Второй задачей анализа являлось сопоставление объектов и характеристик процесса деструктивного воздействия в тексте. Для этого применялся дисперсионный анализ показателей действия и детализации в зависимости от вида объекта (результаты графически представлены на рис 2).

Значимые различия получены по показателю детализация действий с интраперсональным объектом по сравнению с интерперсональным ($F=2,183$, $p<0,05$) и метаперсональным ($F=2,114$, $p<0,05$). Это свидетельствует о том, что процесс деструкции интраперсонального объекта иллюстрирован в деструктивных текстах максимально лаконично. Возможно, что данные результаты обусловлены преобладанием среди материалов текстов суицидальной направленности, не предполагающих избыточной детализации, содержащих мотивировку суицида и посмертных распоряжений. При проверке этого предположения, ANOVA показал различия в конкретизации объекта деструкции, а также детальности его отражения в тексте суицидальной тематики. Так, интраперсональный объект деструкции суицидального текста значимо отличается от интерперсонального и метаперсонального большей детализацией и конкретикой ($F=2,94$, при $p<0,001$).

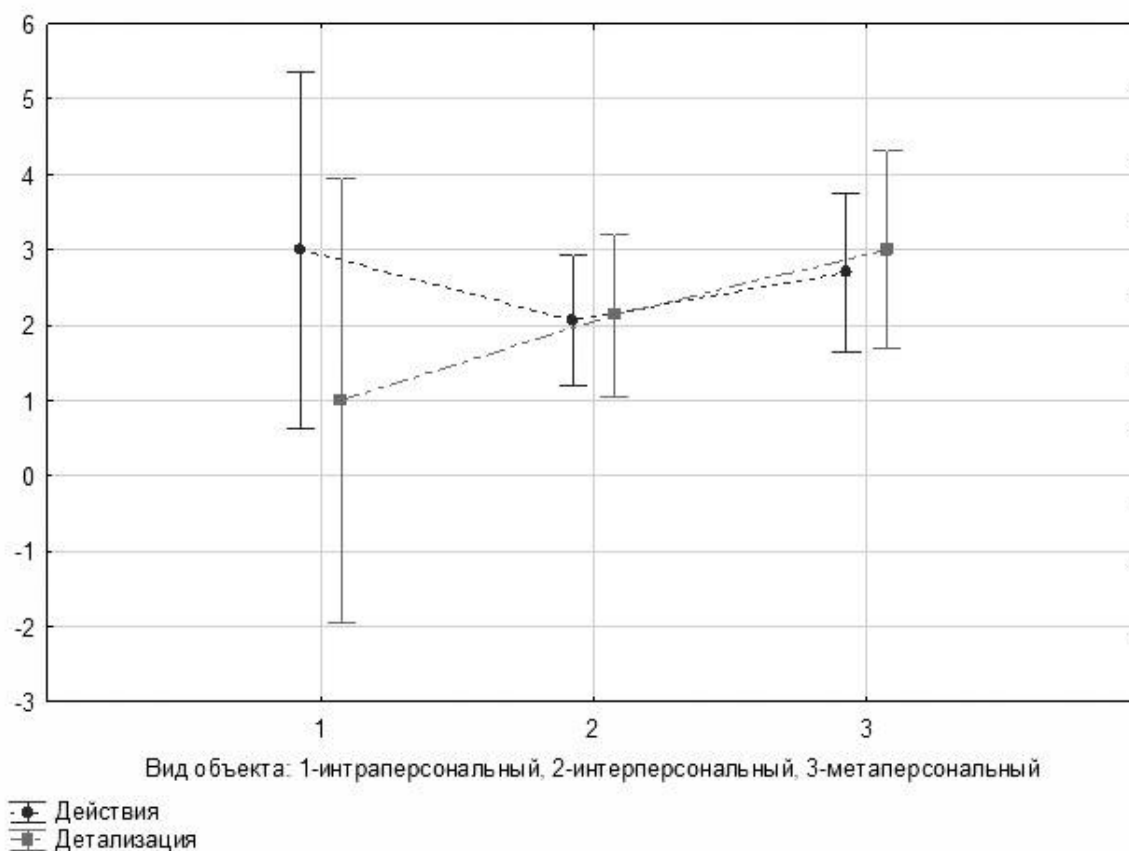

Рис. 2. Соотношение объекта деструкции и характеристик процесса в текстах деструктивной направленности

Примечание. Ось ординат описывает уровень выраженности действий и детализации в диапазоне от 0 до 5: при 0 не описываются действия, нет детализации, при 5 — представлено значительное количество действий, высокая детализация

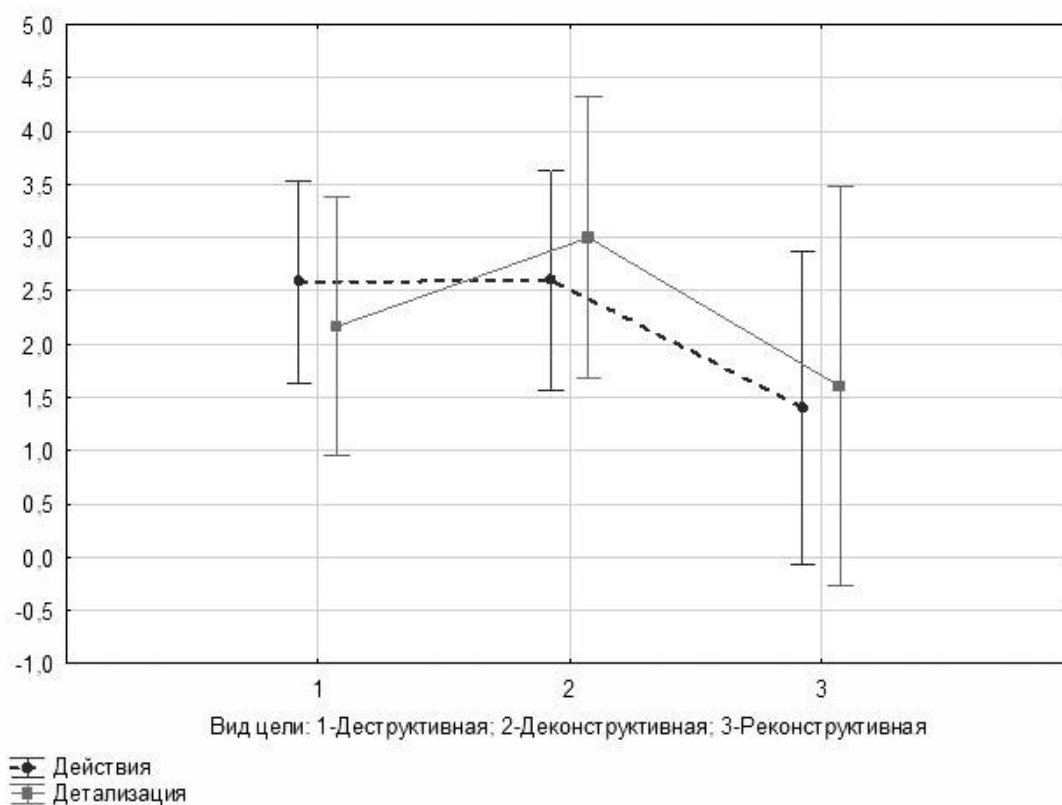

Рис. 3. Соотношение цели и характеристик процесса в текстах деструктивной направленности
Примечание. Ось ординат описывает уровень выраженности действий и детализации в диапазоне от 0 до 5: при 0 не описываются действия, нет детализации, при 5 — представлено значительное количество действий, высокая детализация.

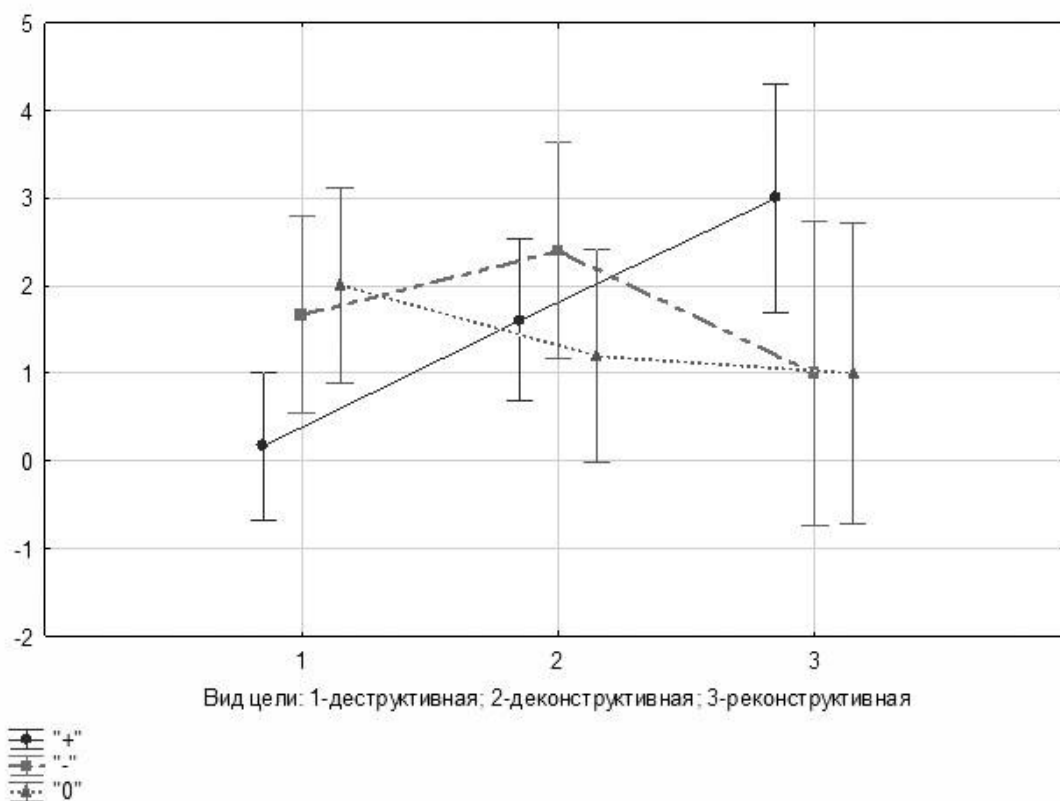

Рис. 4. Соотношение целей и эмоциональных модальностей в текстах деструктивной тематики
Примечание. Ось ординат описывает уровень выраженности эмоциональной модальности в диапазоне от 0 до 5: 0 — не выражена, 5 — выражена ярко.

Соотношение цели и показателей процесса деструктивного воздействия демонстрирует наличие различий в количестве действий по достижению деструктивной цели по сравнению с реконструктивной ($F = 2,912$, $p < 0,001$). Деструктивная цель конкретизируется большим объемом действий, нежели реконструктивная, а текст, описывающий деструктивную цель, содержит в себе меньше деталей, чем текст деконструктивный или реконструктивный ($F = 2,055$, $p < 0,05$).

В целом отметим, что существуют различия в степени детализации деструктивных действий по отношению к интраперсональным объектам. Наиболее детализованы действия в суицидальных текстах. Также установлено, что деструктивные и реконструктивные цели описываются противоположным образом: реконструктивные цели описываются менее операционально, но подробно, а деструктивные — наоборот, более алгоритмично, но с меньшими деталями.

Третьей задачей исследования стало изучение иллюкативного потенциала деструктивного текста. Оно осуществлялось путем выявления экспертами эмоционально акцентированных слов позитивной, негативной и нейтральной модальности в текстах, оценки частоты акцентирования в тексте различными лексическими, семантическими, морфологическими, графологическими и иными способами. Установлено, что деструктивные цели сопровождаются негативно окрашенными оценками, а реконструктивные — позитивными ($F = 3,019$, $p < 0,001$).

Изучение особенностей акцентирования автором смысловых единиц в текстах с различными целями показало наибольшее количество акцентов для реконструктивных текстов, а с дифференциацией по объектам деструктивных текстов — метаперсонального типа. Это характеризует метаперсональный объект деструкции как наиболее эмоционально насыщенный, что, по-видимому, обусловлено стремлением учитывать аудиторию текста и ее возможности к пониманию авторского замысла.

В целом оценка эмоциональной модальности и акцентирования семантических единиц показала, что тексты с метаперсональным объектом деструкции характеризуются значимо большим количеством акцентов, а тексты с реконструктивной целью эмоционально позитивно оцениваются автором, в отличие от текстов с деструктивной целью.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что изучение текстов деструктивной направленности с помощью метода контент-анализа требует уточнения его категорий.

Описанная в статье попытка изучения текста проводилась путем выделения семантических признаков объекта, цели и процесса деструкции. Эти категории были определены на основе разрабатываемых представлений о деструктивности как осознанной целенаправленной активности субъекта и предположения о том, что осуществление деструктивного действия требует определения его объекта, цели и элементов — действий и операций. В ходе контент-анализа в текстах определялись эквиваленты объекта, цели и процесса деструкции.

Основанием для дифференциации объекта выступает его масштаб: интраперсональный (па-

раметры субъекта — тело, психические функции, потребности), интерперсональный (межличностные отношения, малые социальные группы) или метаперсональный (характеристики расы, пола, социальные институты, нормы, традиции). Цель в деструктивном тексте определяется по ее эффекту — деструкция (разрушение, уничтожение), деконструкция (трансформация, переделка), реконструкция (восстановление, воссоздание). Процесс описывается с позиции операциональности и степени детализации действий.

Сопоставление лексических, грамматических и морфологических характеристик деструктивных текстов, различающихся по типу объекта, не выявило значимых различий. Данное обстоятельство может быть вызвано ограничениями исследуемого материала, в частности преобладанием текстов лиц с адекватным возрастным уровнем когнитивного развития.

Математико-статистический анализ позволил установить особенности категорий объекта, цели и процесса:

- определено соотношение объекта и цели деструкции — преобладание деструктивной цели для интраперсональных, деконструктивной для интерперсональных и реконструктивной для метаперсональных объектов;
- деструктивные цели описываются большим перечнем операций с меньшей их детализацией по сравнению с реконструктивными;
- деструктивные цели сопровождаются негативно окрашенными оценками автора, а реконструктивные — позитивными.

Применяемые единицы контент-анализа текстов деструктивной направленности позволили в единой системе оценки описать различные по жанровой направленности тексты, сопоставить их семантические особенности. Полагаем, что описание семантики деструкции в тексте с использованием категорий объекта, цели и процесса позволяет лучше понять авторскую модальность, оценить прагматический потенциал текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А. Воздействие креолизованного текста на сознание читателя (на примере публикаций о террористических актах) // *Linguistica Juvenis* : сб. науч. тр. молодых ученых. — Екатеринбург, 2006. Вып. 7 : Язык и культура. С. 10—16.
2. Борисов П. М. Вербальная характеристика концепта деструктивной личности // *Вестн. МГОУ. Сер.: Лингвистика*. — М. : Изд-во МГОУ, 2010. № 2. С. 78—92.
3. Волкова Я. А. Концептуализация ненависти в русском языковом сознании // *Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та*. 2011. № 4 (16). С. 24—32.
4. Ворошилова М. Б. Фоносемантический анализ текста как инструмент экспертизы экстремистского текста // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Какиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 56—60.
5. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // *Политическая лингвистика*. 2014. № 3. С. 242—245.
6. Демдоуми Н. Ю., Денисов Ю. П. «Контент смерти»: проблема пропаганды суицида в русскоязычном

Интернете // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: www.science-education.ru/110-9624 (дата последнего обращения: 03.02.2014).

7. Злоказов К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки // Политическая лингвистика. 2014а. № 1. С. 265—272.

8. Злоказов К. В. Деструктивность и идентичность личности // Науч. ежег. Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. 2014б. № 1. С. 61—73.

9. Куликов В. Б., Злоказов К. В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3. С. 89—92.

10. Осадчий М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2012а.

11. Осадчий М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2012б.

12. Распопин Е. В. Психологическая устойчивость к внешним и внутренним источникам стресса : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Юж.-Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2013.

13. Фомина М. С., Артеменко О. А. Языковая личность как объект изучения психолингвистики // Междунар. журн. экспериментального образования. 2014. № 6 С. 130—131.

14. Osgood Ch. E., Walker Ev. G. Motivation and language behavior: a content analysis of Suicidal notes // Journ. of abnormal and social Psychology. 1959. № 59-1. P. 58—67.

K. V. Zlokazov

Ekaterinburg, Russia

CONTENT ANALYSIS OF TEXTS WITH DESTRUCTIVE DIRECTION

ABSTRACT. This paper discusses the method of analysis of texts destructive direction. Sign of such texts is the desire of the author to the destruction of social objects of various sizes, social relations existing in society norms. The problem of content analysis in uncertainty semantics of the text, the impossibility of specifying the destructive direction of the author. To address this category are designated and determined the object and purpose of the process, as elements of the semantic structure of the text destructive direction. Describes the intrapersonal, interpersonal and metapersonal objects of destruction. Presented destructive, deconstructive and reconstructive purpose of the text.

Discusses the results of a content analysis of 116 fragments of texts destructive direction. It was established that destruction of target objects and blended. Destructive goals are characteristic of intrapersonal, deconstructive — interpersonal, reconstructive — metapersonal objects. Destructive goals operationalized and negative-painted and reconstructive — detailed, described as positive.

KEYWORDS: content analysis of the text, suicide, aggression analysis, destructive text, semantic analysis, ways of expressing aggression, destructiveness personality.

ABOUT THE AUTHOR: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy Psychology, the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg).

LITERATURE

1. Antonova, Yu.A. Vozdeystvie kreolizovannogo teksta na soznanie chitatel'ya (na primere publikatsiy o terroristicheskikh aktakh) / Yu.A. Antonova // *Linguistica Juvenis: Sbornik nauchnykh trudov molodykh uche-nykh*. Vypusk 7. Yazyk i kul'tura. / Ekaterinburg, 2006. S. 10—16.

2. Borisov P.M. Verbal'naya kharakteristika kontsepta destruktivnoy lichnosti // *Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika*. — M.: Izd-vo MGOU, 2010. — № 2. — S. 78—92.

3. Volkova Ya.A. Kontseptualizatsiya nenavisti v russkom yazykovom soznanii/Ya.V. Volkova// *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2011. №4(16). — S.24-32

4. Voroshilova M. B. Fonosemanticheskiy analiz teksta kak instrument ekspertizy ekstremistskogo teksta//*Yazyk. Pravo. Obshchestvo: sb. st. 2-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 9-10 apr. 2014 g.)*/pod red. kand. filol. nauk. O. V. Barabash, d-ra filol. nauk. T. V. Dubrovskoy, kand. ped. nauk, prof. G. I. Kanakinoy. -Penza: Izd-vo PGU, 2014. S. 56-60.

5. Voroshilova M.B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa /M.B. Voroshilova *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 3. S. 242-245.

6. Demdoui N.Yu., Denisov Yu.P. «Kontent smerti»: problema propagandy suitsida v russkoyazychnom Internetе/Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 4. URL: www.science-education.ru/110-9624 (data poslednego obrashcheniya: 03.02.2014).

7. Zlokazov K.V. Vospriyatie ekstremistskogo teksta sub"ektami s razlichnym urovnem destruktivnoy us-tanovki / K.V. Zlokazov//*Politicheskaya lingvistika*. 2014a. № 1. S. 265-272.

8. Zlokazov K.V. Destruktivnost' i identichnost' lichnosti /K.V. Zlokazov //Nauchnyy ezhegodnik Insti-tuta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 2014b. № 1. S. 61-73.

9. Kulikov V.B., Zlokazov K.V. Destruktivnoe povedenie: teoretiko-metodologicheskiy as-pekt / V.B.Kulikov, K.V. Zlokazov // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 2006. № 3. S. 89-92.

10. Osadchiy M. A. Publichnaya rechevaya kommunikatsiya v aspekte upravleniya pravovymi riskami. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. Kemerovo, 2012a. -54 s.

11. Osadchiy M. A. Publichnaya rechevaya kommunikatsiya v aspekte upravleniya pravovymi riskami. Avtoreferat. ... d-ra filol. nauk. Kemerovo, 2012b. s. 38.

12. Raspopin E.V. Psikhologicheskaya ustoychivost' k vneshnim i vnutrennim istochnikam stressa/avtoreferat diss.... kandidata psikhologicheskikh nauk: 19.00.01 / Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. Ekaterinburg, 2013 g. — 24 s.

13. Fomina M.S., Artemenko O.A. Yazykovaya lichnost' kak ob"ekt izucheniya psikhologicheskoy lingvistiki // *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. — 2014. — № 6 — S. 130-131.

14. Osgood Ch. E., Walker Ev. G. Motivation and language behavior: a content analysis of Suicidal notes // *Journal of abnormal and social Psychology*. 1959. № 59-1b. P. 58—67.

Статью рекомендует канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.